Чаунина Н. В. Инвективные стратегии в лирике И. Бродского 1964—1965 годов / Н. В. Чаунина // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 298—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-298-307.

Chaunina, N. V. (2017). Invective Strategies in I. Brodsky's Lyrics in 1964—1965. *Nauchnyy dialog, 11:* 298-307. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-298-307. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Бродский.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-298-307

Инвективные стратегии в лирике И. Бродского 1964—1965 годов

© Чаунина Наталья Владимировна (2017), orcid.org/0000-0002-8999-4800, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в г. Нерюнгри (Нерюнгри, Россия), chaunin@mail.ru.

Предмет исследования в данной статье — реализация инвективных установок в лирике И. Бродского периода ареста и ссылки (1964—1965-х годов). В качестве научно-методологической основы были использованы труды, посвященные анализу инвективы как литературного жанра (С. А. Матяш, А. С. Краковяк, Г. М. Брагиной), а также работы о функционировании инвективы в речевой практике в целом (О. Демидова, В. Жельвиса, А. Плотниковой и др.). Выявлено, что инвектива как литературоведческий феномен обладает своеобразной структурой и специфическим характером бытования. Обличительные установки, с одной стороны, инспирированы социокультурными событиями, сопряженными с конфликтной ситуацией, а с другой — их индивидуально-авторским видением. Новизна проведенного исследования обусловлена выбором художественного материала. Проанализирован комплекс лирических текстов И. Бродского. Выявлена ключевая коммуникативная стратегия, заключающаяся в опосредованном обличении обобщенного адресата, наделенного властью. Охарактеризованы принципы реализации инвективных интенций: не прямое противостояние субъекта и оппонента, а внушение негативного отношения к обидчику посредством автокоммуникативного самоуничижительного монолога-намека на истинного адресата обличения. Обязательный компонент инвективы — жажда возмездия «преступнику» — отсутствует. Бродский отказывается брать на себя роль судьи, признавая лишь Высший суд. В результате проведенного анализа подтверждено наличие инвективных интенций в лирике И. Бродского указанного периода.

Ключевые слова: Бродский; лирика; ссылка; обличение; инвектива; подтекст; адресат; оппонент.

1. Введение

Научные разработки теории инвективы осуществляются в разных ракурсах: лингвистическом, прагмалингвистическом, коммуникативном, психологическом, юридическом, нейролингвистическом, социокультурном, литературоведческом и др. Множественность подходов затрудняет разработку однозначной формулировки термина, его критериев и особенностей функционирования.

Традиционно под инвективой понимается оскорбительное выступление, речь, выпад против кого-либо или чего-либо [Комлев, 2006]. В широком смысле — это социокультурное явление, имеющее свои национально-специфические особенности [Жельвис, 2001, с. 7—17], «феномен социальной дискредитации субъекта», «воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата» [Кулаков, 2011, с. 32—34]. В узком значении — «поведение индивида, продиктованное стремлением нанести моральный или физический ущерб собеседнику», выбранная собеседниками инвективная речевая стратегия, невербальные элементы и др. [Королева, 2002].

С. Засыпкин характеризует инвективу как коммуникативный феномен, «проявляющийся в агрессии по отношению к участникам и нормам общения через употребление табуированных лексических единиц и узуально-неприемлемых грамматических форм». По мнению исследователя, инвектива универсальна — «может использоваться во всех ситуациях и сферах общениях», полезна — «достигает неограниченное количество коммуникативных целей из-за возможности выражения большого спектра чувств и смыслов при ограниченном выборе лексических средств», стабильна — состоит в большинстве случаев из определенного набора корневых основ. Инвектива создает новую коммуникативную реальность вне конвенций норм и смыслов, «что позволяет инвектуму творить свой мир смысла». Немаловажной функцией инвективы является обеспечение катарсиса как психологического облегчения «при осознании возможности нарушения табу» посредством использования лексики негативных смыслов и коннотаций и сохранения остальных слов «чистыми». Кроме того, инвектива выполняет и цивилизационную функцию: «позволяет выразить агрессию, не прибегая к физическому насилию» [Засыпкин, 2010, с. 352—353].

Бытование инвективы напрямую связано с функционированием табуированной культуры, преодоление которой и является целью инвективы. В межличностных отношениях инвективные интенции можно идентифицировать посредством выявления негативного отношения собеседника / собеседников друг к другу, реализующегося в отрицательных оценках

личностных качеств, поступков, образа мыслей и т. д., что в итоге формирует эмоциональное состояние коммуникантов, не желающих прийти к компромиссу.

Инвектива как жанр литературы имеет свою историю развития и дифференцирующие признаки.

2. Инвектива как литературный жанр

Впервые разграничение инвективы как речевого жанра (в широком смысле) и жанра литературы было предложено С. А. Матяш в статье «Инвектива в русской поэзии» [Матяш, 2001]. Обоснование теории инвективы было затем продолжено в целом ряде статей. Исследовательница указывает на присутствие в инвективных высказываниях повышенной экспрессии, инспирированной осуждением лиц или явлений действительности, а также выделяет ряд специфических черт, характеризующих инвективу в узком (жанровом) значении: гневная, осуждающая направленность на персонифицированного субъекта, выражающаяся в апелляциях по формуле я / мы — ты / вы; «композиционная амплификация, охватывающая план субъекта и план адресата»; мотивы ожидаемого / свершившегося возмездия, мщения / проклятия [Матяш, 2007, с. 36—37].

По наблюдению Г. М. Бралиной, для жанра инвективы в большей степени характерно эксплицитное выражение субъекта (адресанта) и объекта (адресата) инвективного воздействия. В случае их реализации в лице одного персонажа следует говорить об автокоммуникации [Бралина, 2007, с. 44—48]. Промежуточное положение занимает имплицитный «статус» коммуникантов (субъект и объект предполагаются).

Содержание инвективы можно представить следующим образом: номинация объекта обличения и порицания — перечисление его «преступлений» (приведение фактов, доказывающих вину адресата) — вывод о грядущем возмездии за содеянное. Отсюда цель инвективы — убедить читателя / слушателя в виновности инвенктора (обидчика) [Бралина, 2007, с. 44—48; Краковяк, 2007, с. 140—144].

Степень оскорбительности высказываний может варьироваться от прямого использования бранной лексики по отношению к адресату, косвенных оскорблений, направленных на неназванного, но восстанавливаемого из контекста субъекта, до призывов к активному противодействию оппоненту, облеченному властью [Демидов, 2013, с. 39]. Еще одним эффективным инструментом разоблачения обидчика является языковая игра, однако «игровой прием должен быть легко считываемым, не характеризоваться многослойностью и сложностью интерпретации» [Плотникова, 2015, с. 127—128].

Выбор «инвективного инструментария» зависит от коммуникативной ситуации, образа оппонента, а также специфики лирического переживания, а именно от того, является оно результатом отклика на социально-исторические события или межличностный конфликт.

3. Инвективный подтекст лирики И. Бродского

Опираясь на приведенные теоретико-методологические положения, выявим и проанализируем факты присутствия инвективных интенций в лирике И. Бродского 1964—1965-х годов.

Как известно, начинающий поэт стал фигурантом сфабрикованного дела о тунеядстве и выслан за пределы Ленинграда на 5 лет. «Он стал жертвой идеологической политики Н. С. Хрущева, полицейского рвения ленинградских властей и реакционеров из ленинградского отделения Союза писателей, а также махинаций мелкого мошенника Якова Лернера» [Лосев].

Благодаря стараниям друзей и вмешательству европейской общественности И. Бродский был освобожден через 18 месяцев.

Выдвинем предположение, что биографические события, связанные с арестом и ссылкой поэта в деревню Норенскую (в 1964—1965 годах), нашли воплощение в инвективной лирике Бродского указанного периода.

Последним написанным Бродским на свободе стихотворением является «Воронья песня» (январь 1964 года). С первых строк обращает на себя внимание оппозиционное выстраивание образной системы: лиса — охотник, красота — ненависть, ворона — червяк, сила — слабость, жизнь — смерть и др. При наличии, казалось бы, аллегорических образов четко прослеживается конфликт человека (поэта-«чернильного червяка») и власти (кровожадного «охотника», «вороны»). Интересно, что инвективное разоблачение выстраивается нетипичным образом: не пострадавшая сторона бросает вызов обидчику, предъявляет ему обвинения и жаждет возмездия (как в традиционной инвективе), а сам обидчик дискредитирует себя, подавляя и унижая более слабого и зависимого соперника:

Перезимуем и это, выронив сыр из клюва,
но поймав червяка! Извивайся, червяк чернильный
в клюве моем, как слабый, которого мучит сильный;
дергайся, сокращайся!

[Бродский, 2001, с. 9]

Из дальнейших строк становится очевидным, что возмездием за унижение, «сумму судорог» станут стихи, «песня на слух» угрюмая, но она неизбежна, как наступление «зеленой мощи» весны.

Еще одним ярким примером обличительно-разоблачительной лирики является стихотворение, впоследствии вошедшее в цикл «Камерная музыка», «Ночь. Камера. Волчок…» (1964). Внешне стихотворение выглядит как инвективная автокоммуникация: *…И сам себе кажусь я урной, // куда судьба сгребает мусор, // куда плюется каждый мусор*… [Бродский, 2001, с. 127].

Степень негативного посыла накалена до предела, что выражается в использовании разговорных и просторечных слов (*маячит, сортир*), тюремного жаргона — *волчок* (глазок в двери тюремной камеры), *мусор* (милиционер, надзиратель), а также бранной лексики в чистом виде. Это свидетельствует о явном стремлении нарушить установленные социально-культурные табу, принятые в обществе, тем самым бросить ему вызов. Сам Бродский это подтверждает в письме к Я. Гордину: «Если ты озлоблен, то не скрывай этого <…>; если весел — тоже <…>. Помни, что твоя жизнь — это твоя жизнь. Ничьи — пусть самые высокие — правила тебе не закон. <…> Будь независим. <…> Пусть это приведет тебя к поражению <…> — это будет только твое поражение. Ты сам сведешь с собой счеты…» [Гордин, 1989, с. 134—166].

Однако «тюремный» образ лирического героя в приведенном стихотворении является проекцией, зеркалом, в котором отражается вся тоталитарная система, мгновенно превращающая интеллигента, поэта, творца в узника. Усиливает эффект оксюморонное, горько-ироническое сочетание «лагерной» и «поэтической» семантики в образе часового-«Феба», лиры из колючей проволоки. Венчает инвективу риторическое восклицание-вопль отчаяния: «Куда забрел ты, Апполон!». Таким образом, перед нами имплицитная инвектива, адресованная к обобщенному образу враждебного режима.

Косвенные инвективные апелляции также обнаруживаются в стихотворении «Колокольчик звенит…» (1965). Автор тонко сочетает идиллические картины деревенской природы (*колокольчик звенит, одуванчик в зенит задирает головку беззаботную, выбегает на бровку придорожную в срок ромашка* и др.) и детали-вкрапления, намекающие на существование иной, чуждой действительности:

Жизнь, дружок, не изба ведь.
Но об этом — молчок,
чтоб другим не во вред
(всюду уши: и справа, и слева).

И далее:

Расширяется поле
от обидной неволи.
Я на год постарел
и в костюме шута
от жестокости многоочитой
хоронюсь под защитой
травяного щита.

[Бродский, 2001, с. 130]

Такими осторожными штрихами-намеками лирический герой конструирует обобщенный облик своего обидчика. Вместо открытого разоблачения перед нами имплицитный автокоммуникативный монолог, из которого становится понятным, в чем причина всех бед адресанта.

Природа здесь становится единственной союзницей, исцеляющей от душевных и телесных недугов, вызванных заточением: *Пестрота полевых // злаков пользует грудь от удушья. // Кашка, сумка пастушья // от любых болевых // ощущений зрачок // в одночасье готовы // избавить* [Там же].

По мнению А. И. Солженицына, подобное слияние с природой — показатель роста поэтического мастерства ссыльного Бродского: «Даже сквозь поток ошеломленных жалоб — дыхание земли, русской деревни и природы внезапно дает ростки и первого понимания <…> Животворное действие земли, всего произрастающего, лошадей и деревенского труда. <…> Думаю: поживи Бродский в ссылке подольше — та составляющая в его развитии могла бы существенно продлиться» [Солженицын, 1999, с. 180—193].

Только на лоне природы лирический герой может чувствовать себя в безопасности, под защитой «травяного щита», тем острее ощущается несвобода героя — жертвы тотального контроля властей. Известно, что за время ссылки Бродский несколько раз краткосрочно выезжал в Москву и Ленинград, но повсюду за ним следили агенты КГБ.

Примеры подобной «тайной» инвективы обнаруживаем в стихотворениях «Как славно вечером в избе…», «Одной поэтессе», «К северному краю», «Чаша со змейкой», «Новые стансы к Августе», «Неоконченный отрывок» («Ну, время песен о любви…»), «Отрывок» («Я не философ. Нет, я не солгу…») и др.

Лирический текст Бродского зачастую строится несвойственным для инвективы образом. Это может быть диалог с воображаемым другом или медитативный монолог лирического героя, испытавшего как физическое,

так и психологические насилие со стороны неких враждебных сил. Об этом свидетельствуют изменения во внешнем облике персонажа-инвенктума, его психологическом состоянии, а также и полная перестройка образа жизни и образа мысли: *Я в зеркало смотрюсь и нахожу // седые волосы (не перечесть) // и пятнышки, которые ужу, // наверное, составили бы честь // и место к холодам (как экспонат) // в каком-нибудь виварии…* [Бродский, 2001, с. 64] или: *Я не философ. Нет, я не солгу. // Я старый человек, а не философ, // хотя я отмахнуться не могу // от некоторых бешеных вопросов. // Я грустный человек, и я шучу // по-своему, отчасти уподобясь // замку. А уподобиться ключу // не позволяет лысина и совесть…* [Бродский, 2001, с. 101]. Лирический герой-узник вынужден скрывать свои истинные мысли (*всюду уши: и справа, и слева* [Бродский, 2001, с. 130]), вести двойную жизнь: *Да, здесь как будто вправду нет меня, // я где-то в стороне, за бортом* [Там же, с. 90]; *Да, сердце рвется все сильней к тебе, // и оттого оно — все дальше. // И в голосе моем все больше фальши. // Но ты ее сочти за долг судьбе* [Там же]. Причем автор избегает персонификации и эксплицитного именования обидчика, а также перечисления его «преступлений», однако из контекста становится понятным, что это Власть, Государственная система в ее широком понимании. Именно к этому оппоненту обращены риторические восклицания: *Из всех стихослагателей, со мной // столь грозно обращаешься ты с первым* [Бродский, 2001, с. 96] — или косвенные намеки: *Тут, захороненный живьем, // я в сумерках брожу жнивьем* [Бродский, 2001, с. 90]; *Оставим счеты. Я давно в неволе* [Там же, с. 135] и др. Поэт не убеждает читателя в виновности обидчика, не грезит о его возмездии, а внушает крайнюю неприязнь к любому насилию по отношению к свободной личности, оставаясь в границах христианской морали (ср.: *…нет, Господи! В глазах завеса, // и я не превращусь в судью. // А если на беду свою // я все-таки с собой не слажу, // ты, Боже, отруби ладонь мою…* [Бродский, 2001, с. 90]). Причем свобода, по мнению И. Бродского, мыслится как нечто недосягаемое и невоплотимое: все о ней страждут, но что с ней делать, не знают (ср. «Песенка о свободе», 1965). Не случайно поэт впоследствии так говорит о своей «ссыльной» жизни: «Один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше — пожалуй, не было» [Лосев]. Возможно, именно острое ощущение несвободы позволило ему максимально полно ощутить всю ценность жизни и выразить это в своем творчестве.

4. Заключение

Проведенный анализ лирики И. Бродского 1964—1965 годов подтвердил наличие инвективных интенций, но в значительно трансформирован-

ном виде — в форме имплицитного обличения тайного обобщенного адресата. Выбор подобной инвективной стратегии обусловлен как цензурными соображениями, так и соображениями собственной безопасности поэта, находящегося в ссылке.

Литература

1. *Бралина Г. М.* Особенности композиции жанра русской инвективы середины XIX века / Г. М. Бралина // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2007. — № 11. — С. 44—48.

2. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского : в 7 томах / И. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001. — Т. 2. — 440 с.

3. *Гордин Я.* Дело Бродского / Я. Гордин // Нева. — 1989. — № 2. — С. 134—166.

4. *Демидов О. В.* Инвектива как современная коммуникативная тенденция публичного дискурса / О. В. Демидов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 39—41.

5. *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. — Москва : Ладомир, 2001. — 349 с.

6. *Засыпкин С.* Инвектива / С. Засыпкин // Дискурс-Пи. — 2010. — № 1—2. — С. 352—353.

7. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс] / Н. Г. Комлев. — 2006. — Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17475.

8. *Королева О. П.* Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук [Электронный ресурс] / О. П. Королева. — Нижний Новгород, 2002. — Режим доступа : http://cheloveknauka.com/pragmatika-invektivnogo-obscheniya-v-angloyazychnom-sotsiume#ixzz4u9VPpkRV.

9. *Краковяк А. С.* Литературный жанр с точки зрения целевой установки (на примере лирического жанра инвективы) / А. С. Краковяк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2007. — Т. 18. — № 44. — С. 140—144.

10. *Кулаков А. Е.* Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии / А. Е. Кулаков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2011. — № 2. — С. 32—34.

11. *Лосев Л.* Иосиф Бродский : опыт литературной биографии [Электронный ресурс] / Л. Лосев // E-libra. Электронная библиотека. — Режим доступа : http://e-libra.ru/read/172673-iosif-brodskij.html.

12. *Матяш С. А.* Жанр инвективы в поэзии Ф. И. Тютчева / С. А. Матяш // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2007. — № 11. — С. 36—37.

13. *Матяш С. А.* Инвектива в русской поэзии / С. А. Матяш // Человек и общество : материалы международной научно-практической конференции 15—17 ноября 2001 года : в 4-х частях. Оренбург : ОГУ, 2001. — Ч. 3. — С. 104—105.

14. *Плотникова А. М.* Языковая игра как средство инвективы / А. М. Плотникова // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : лингвистика креатива. — 2015. — № 1. — С. 127—133.

15. *Солженицын А. И.* Иосиф Бродский — избранные стихи / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1999. — № 12 — С. 180—193.

Invective Strategies in I. Brodsky's Lyrics in 1964—1965

© Chaunina Natalya Vladimirovna (2017), orcid.org/0000-0002-8999-4800, PhD in Philology, associate professor, Department of Philology, Technical Institute (branch of) Ammosov North-Eastern Federal University in Neryungri (Neryungri, Russia), chaunin@mail.ru.

The subject of the research in this paper is the implementation of invective intentions in I. Brodsky's poetry of period of arrest and exile (1964—1965). Scientific and methodological basis is the works on the analysis of the invective as a literary genre (by S. A. Matyash, A. S. Krakowyak, G. M. Bralina), as well as the works on the functioning of the invective in the speech in general (by O. Demidova, V. Zhelvis, A. Plotnikova, etc.). It is revealed that invective as a literary phenomenon has a specific structure and specific character of existence. Accusatory intentions, on the one hand, are inspired by sociocultural events linked with a conflict situation, and on another hand, by individually author's vision. The novelty of the research is determined by the choice of artistic material. The complex of Joseph Brodsky's lyrical texts is analysed. Key communicative strategy is identified which consists in the indirect denunciation of a generalized addressee endowed with the power. The principles of realization of invective intentions are characterized: not a direct confrontation between subject and opponent, but a suggestion of a negative attitude towards the offender by auto-communicative self-deprecating monologue-hint of the true recipient of the conviction. There is no mandatory component of invective — retribution to "offender". Brodsky refuses to take on the role of the judge, acknowledging only the heavenly court. In the result of the analysis the presence of invective intentions in I. Brodsky's poetry of specified period is confirmed.

Key words: Brodsky; lyrics; link; denunciation; invective; subtext; addressee; opponent.

References

Bralina, G. M. 2007. Osobennosti kompozitsii zhanra russkoy invektivy serediny XIX veka. *Vestnik OGU*, *11*: 44—48. (In Russ.).

Brodskiy, I. 2001. 2001. *Sochineniya Iosifa Brodskogo*. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy fond. *7/2*. (In Russ.).

Demidov, O. V. 2013. Invektiva kak sovremennaya kommunikativnaya tendentsiya publichnogo diskursa. *Vestnik ChelGU*, 1 (292): 39—41. (In Russ.).

Gordin, Ya. 1989. Delo Brodskogo. *Neva*, *2*: 134—166. (In Russ.).

Komlev, N. G. 2006. Slovar inostrannykh slov russkogo yazyka. In: *Akademik*. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17475. (In Russ.).

Korolyova, O. P. 2002. *Pragmatika invektivnogo obshcheniya v angloyazychnom sotsiume (na materiale britanskogo areala)*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata

filologicheskikh nauk. Nizhniy Novgorod. Available at: http://cheloveknauka.com/pragmatika-invektivnogo-obscheniya-v-angloyazychnom-sotsiume#ixzz4u9VPpkRV. (In Russ.).

Krakovyak, A. S. 2007. Literaturnyy zhanr s tochki zreniya tselevoy ustanovki (na primere liricheskogo zhanra invektivy). *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, *18 (44)*: 140—144. (In Russ.).

Kulakov, A. E. 2011. Mezhdometnyye invektivy i obshchiye problemy invektologii. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, *2*: 32—34. (In Russ.).

Losev, L. Iosif Brodskiy: opyt literaturnoy biografii. In: *E-libra. Elektronnaya biblioteka*. Available at: http://e-libra.ru/read/172673-iosif-brodskij.html. (In Russ.).

Matyash, S. A. 2001. Invektiva v russkoy poezii. In: *Chelovek i obshchestvo: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15—17 noyabrya 2001*. Orenburg: OGU. *3*: 104—105.

Matyash, S. A. 2007. Zhanr invektivy v poezii F. I. Tyutcheva. *Vestnik OGU*, *11*: 36—37. (In Russ.).

Plotnikova, A. M. 2015. Yazykovaya igra kak sredstvo invektivy. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: lingvistika kreativa*, *1*: 127—133. (In Russ.).

Solzhenitsyn, A. I. 1999. Iosif Brodskiy — izbrannyye stikhi. *Novyy mir*, *12*: 180—193.

Zasypkin, S. 2010. Invektiva. *Diskurs-Pi, 1-2*: 352—353. (In Russ.).

Zhelvis, V. I. 2001. *Pole brani. Skvernosloviye kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira*. Moskva: Ladomir. (In Russ.).